

КОММУНИКАТИВНО-ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Наряду с обостряющейся тенденцией гомогенизации и универсализации мира, что ведет к стиранию различий между нациями и социальными группами, разрушению традиций, обрядов, ценностей, присущих национальным культурам, имеет место и другая – созидательная, мироустроительная, связанная со стремлением субъекта обнаружить и узаконить свое истинное место в социокультурной реальности. Это, в свою очередь, предполагает осознанное отношение представителя определенной этнокультурной среды к своему идентификационному пространству.

В связи с этим на первый план выступают культурно-психологические факторы, благодаря которым личность атрибутивно соотносит себя с некой культурно-идентификационной целостностью и более отчетливо ощущает свою субъект-объектную легитимность в исторически сложившемся универсуме культуры. По утверждению доктора философии И. Лысак, «необходимыми условиями формирования идентичности являются усвоение ценностей и норм определенной («своей») социокультурной общности, что, в свою очередь, возможно лишь на основе их противопоставления иной («чужой») нормативно-ценностной системе, а также наличие у человека четкого представления о самой окружающей действительности, позволяющего найти свое место в ней» [1].

Валерий Максимович,
заведующий отделом
философии литературы
и эстетики Института
философии
НАН Беларуси,
доктор филологических
наук, профессор

В современной социокультурной среде, когда глобализационные процессы затрагивают самые разнообразные сферы жизнедеятельности, напрямую влияя на психоэмоциональное состояние человека, его внутреннюю константность, на формирование мировоззренческих доминант, проблема сохранения и развития национально-культурной идентичности приобретает поистине глобальные очертания. Личностное развитие человека в большой степени зависит от его отождествления (идентификации) с исторически родственной средой, усвоением ее ценностей, норм, правил поведения, в целом духовно-нравственной культуры. Отрыв от национально-культурных оснований исторического наследия ведет к нежелательной трансформации душевной организации, разрушает ментальные и поведенческие стереотипы представителя конкретного этнокультурного сообщества. Более того, происходит расшатывание базисных мировоззренческих ориентаций как отдельного индивидуума, так и социума в целом. Свыкание же с поверхностным измерением социальной реальности, ее нормами и установлениями формирует

особый тип человека, которого немецкий философ и культуролог Г. Маркузе называет «одномерным». Это образ во многом унифицированного, однопланового, чрезмерно ангажированного человека, чей «индивидуальный космос завоеван и искромсан технологической реальностью» [2]. «Одномерный человек» выступает своеобразным знаковым маркером современной индустриальной цивилизации, которая создает условия и предпосылки для возникновения «одномерного мышления и поведения» [2]. Их сущность состоит в том, что «идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, вписываются в рациональность данной системы и ее количественных измерений (its quantitative extension)» [2].

Симптомы «одномерности», истоки которых следует искать в конформистской ориентации массового сознания, проявляют себя в различных слоях общества. Запрограммированное и унифицированное сознание перманентно ощущает на себе целенаправленное воздействие, вследствие чего происходит отождествление человека с так называемыми альтернативными ценностями и нормами поведения (в том числе и деструктивными), которые с завидной методичностью насаждаются и культивируются в существующей социальной реальности. Отмеченное обстоятельство неуклонно диктует необходимость акцентирования внимания на «человеческое измерение кризиса», которое выступает первичным по отношению к другим угрозам и вызовам современности. Кризис личного бытия воспринимается и трактуется в качестве квинтэссенции цивилизационного кризиса и, бесспорно, весьма значим для концептуально-теоретического осмысления феномена нестабильности и деформаций в эпоху смены культурной парадигмы. Морально-нравственный выбор, который зиждется прежде всего на аксиологических приоритетах и предпочтениях, в ситуации формирования глобализационного общества становится выбором историческим, определяющим характер направленности развития общества в целом.

Глобализационные стратегии «вестернизации» мира характеризуются довольно разветвленными, хорошо продуманными «маркетинговыми» технологиями, цель которых – сформировать отличные от предшествующего периода аксиологические доминанты культуры (культурную матрицу). Среди них – массовизация культуры и сознания, формирование потребительских интенций, разрушение символического капитала наций, изменение

образовательно-воспитательных стандартов, навязывание brutальных стереотипов поведения, культивирование форм отчуждения, фрустрации, разрыва «связи времен», то есть тесной межпоколенческой солидарности и сотрудничества.

В связи с этим на повестку дня выходит проблема сохранения и развития национально-культурных идентификационных сред, национально-культурной целостности перед вызовами глобальной цивилизации. Мировое сообщество в лице ее суверенных представителей должно активно отстаивать и защищать свое право на идентичность и уверенно демонстрировать свою способность к самоопределению и сохранению самобытности в условиях глобальных угроз.

В эпоху перманентной нестабильности и транзитивности именно коммуникативно-творческие интенции отражают и фиксируют наиболее существенные связи и отношения в культурной реальности. Иными словами, идентификационный фактор во многом зависит от характера и состава культурной среды – своеобразной институционально-организационной сферы и важного мотивационного стимула национально-культурного позиционирования и самоопределения субъекта. Именно идентификационный фактор и культурная среда во многом обуславливают механизм трансляции и социализации социокультурного опыта. При этом коммуникативная компетентность и коммуникативный опыт субъектов информации представляют собой важную сферу влияния на сознание человека, мотивацию его действий и поступков, помыслов и желаний. Не случайно в начале XX в. немецкий философ и психолог К. Ясперс сделал коммуникацию одним из ключевых понятий своей философской системы: «Мы являемся тем, чем мы являемся, только благодаря общности взаимного сознательного понимания. Не может существовать человек сам по себе, просто как отдельный индивид... Все то, что есть человек и что есть для человека... достигается в коммуникации»; более того, «коммуникация в сфере духа есть создание из общественной субстанции идеи целого...», а разум, связь всех модусов, «требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации» [3]. Известный американский философ Дж. Дьюи утверждал, что «люди живут в сообществе благодаря тому общему, что есть между ними, а общение – тот способ, благодаря которому они обретают это общее» [4].

В ситуации обостряющегося антропогенного кризиса коммуникативное пространство межличностных отношений может приобретать разную

степень выраженности психологической комфортности для участников общения. Факторы кризисности, редукция форм социокультурного и антропологического измерения позволяют по-новому переосмыслить отношение и место человека в процессе налаживания межличностных связей, социальной коммуникации. От того, как именно протекают процессы коммуникации, как реализуется право человека на творчество, в том числе духовное творение, в немаловажной степени зависит стабильность, устойчивость, полновесность общественной жизни. И, более того, эти процессы необходимо рассматривать во взаимосвязи. Именно в нашем глобально-сетевом обществе творчество и коммуникация – это две стороны одной медали. Сам процесс со-общения, со-трудничества, со-зидания во все времена имел и имеет неоспоримое значение для налаживания межличностного (в первую очередь) диалога с учетом этнонационального пространства, ведущего к духовному (душевному) взаимообогащению, к совершенствованию культуры отношений, что предполагает умение выслушать позицию собеседника, понять направление и истинное содержание мотиваций и доводов. Важное значение приобретают визуальные и тактильные способы восприятия информации в виде жестов, мимики, интонации (голосовой тембральности). К ним можно отнести самые незначительные, трудно фиксируемые моменты общения. Даже обычная пауза, умолчание в отдельных случаях могут приобретать ситуационно насыщенную смысловую коннотацию.

Если рассматривать феномен коммуникации-творчества системно, то нужно, разумеется, начинать от отправной точки – человеческой личности, ее познавательного, коммуникативного, креативного и ценностного потенциала. От человека – конкретного носителя, транслятора и интерпретатора культуры – зависит адекватная, полноформатная передача и сохранение всего культурного универсума с бесконечным разнообразием его уровней, форм, видов и т.д. Сам акт трансляции культурной традиции понимается не только как передача, усвоение социального опыта, знаний, представлений, верований, оценочно-интерпретативных суждений о мире, но, что не менее важно, и как личностное участие в приращении, обогащении социокультурного опыта, сохранении историко-генетической преемственности. Любой представитель этнокультурного сообщества, в том числе и потенциальные творцы (креаторы), созидатели, обладающие творческими задатками, способны состояться как личности только в коммуникативном пространстве, пола-

гаясь на базисные, онтологические основания культуры, перенимая опыт предшествующих поколений и генерируя новые креативно-коммуникативные стратегии.

Благодаря наличию коммуникации в самом широком значении слова объективированное, предметно-объектное содержание традиции с необходимостью дополняется фактором человекообразным, становясь в итоге духовно и личностно значимым. Это дает основание говорить о традиции как о многоуровневой, многоступенчатой дифференцированной целостности, имеющей социоантропогенную направленность. Именно с личностью – носителем живой активности и субъектом осознанной деятельности – связана перманентно воссоздаваемая сущность традиции как национально маркированной субстанции, непосредственно участвующей в формировании внутреннего модуса человека и позволяющей ему реализовывать свой творческий потенциал. Прежде всего это проявляется в процессе коммуникации, в которую люди вступают, будучи носителями профессиональной, религиозной, этнокультурной, национальной форм идентичности. Именно коммуникативно-трансляционный акт помогает сформировать определенный механизм узнавания и самоузнавания, выделить отличительные черты своего, генетически родственного мира как органически приемлемой среды существования, облегчающей способ присвоения, освоения и воспроизводства традиционных форм общежития. Более того, глубинно онтологическая, этнокультурная среда призвана способствовать актуализации системы ценностных установок представителя конкретного сообщества, полноценному выражению его внутреннего самоощущения и самопознания. «Человек традиции, – в этой связи замечает В.В. Малявин, – никогда не индивид, но всегда как бы сверхиндивидуальная сущность двух лиц: учителя и ученика, предшественника и последователя, отца и сына. <...> Наследуется в традиции, разумеется, не только некое предметное содержание опыта, не идеи или понятия, не образы или ощущения, но самое качество переживания, опыт «жизни поверх жизни», «жизни изобильной»... извечно оживляемой и всегда другой» [5]. И это лишний раз подтверждает тот факт, что человек выступает центральным звеном в духовной трансмиссии социокультурного опыта.

Известный русский философ и богослов П. Флоренский неспроста уделял большое внимание «генеалогическим отношениям», «концепции родословия». Важная, первостепенная роль отводилась им главе рода – хранителю традиции,

обладающему строго организованной конституцией, соответствующими личностными характеристиками, что в наибольшей степени оказывает влияние на степень полноты охвата транслируемого материала, подлинной традиции. «Комментатор, – подчеркивает советский востоковед В. Семенцов, – передает ученику не абстрактную («объективную»), а живую, личностную истину; вместе с истиной учитель передает ученику самого себя» [6]. В данном случае важна природная, внутренняя сущность наставника как передающего, вещающего субъекта, образующего возле себя особый, ментально значимый мир – мир отношений, ориентированный на возможность осознать себя его органической, неразрывной частью. Степень усвоения во многом обусловлена моментом эмпатии (сопереживания), что делает традицию как бы непосредственно осязаемой, наполненной реальным содержанием.

При этом не каждое частное проявление «родовой» коммуникации можно отнести в разряд традициозначимого. «Отдельный стереотип, для того чтобы его можно было назвать традиционным, – отмечает российский философ В. Аверьянов, – должен нести ответственность за свой сегмент всеобщего смысла. <...> Одно удачно подобранное слово становится той «последней каплей», которая наполняет чашу понимания традиции, делает традицию живой. В конечном счете традицию как полную систему несет в себе весь язык образов и стереотипов, но несет и каждое слово этого языка в масштабе, соразмерном этому слову» [7], благодаря чему явления эмпирической реальности, включенные в орбиту интимного переживания, незримо становятся событиями ментального плана, рождая чувство живой, космической сопричастности ко всему многообразию горизонтов бытия. Особенную значимость данное обстоятельство приобретает в ситуации нарастания мировоззренческого кризиса, «обмельчания масштаба человеческой личности». Нельзя не согласиться с русским философом И. Ильиным, полагающим, что в основе традиции лежит «передача строения внутреннего духовного акта», ретранслирующего не столько смыслы, значения, принципы, сколько само «актовое строение» духовного опыта, напрямую связанное с сакрально-диалогическим, возвышенным, обнаруживающим свою связь со всем Мирозданием.

Живое, непосредственное общение позволяет личности испытать себя во все новых коммуникационных позициях и ситуациях, не только приобрести и укрепить навыки межличностного общения, но и сформировать свой устойчивый стерео-

тип мироощущения и миропонимания, что помогает ориентироваться в разных культурно- и традициомерных проекциях. Другими словами, личностный модус, родово-генетическое измерение открывает возможность самообнаружения и позиционирования себя не только в рамках идентификационно близкого сообщества, но и вне его, в иных социальных пространствах. Именно в личности – носителе самобытной культурной традиции – происходит накапливание и кристаллизация духовного опыта в его различных стереотипных и модельно-программных формах и проявлениях. Речь идет не просто о факте формального «родового» наследования, преемственности, но о наследовании самой модели смыслопостижения, смыслодействия, смыслоразличения. «Материя» традиции как бы формирует собственно алгоритм деятельности и развертывания системно значимых связей, отношений, открывающих пути для раскрытия потенциальных возможностей личности.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно заключить, что полноценная реализация духовно-нравственного компонента личностного роста предполагает наличие определенных психологически заданных параметров, которые кристаллизуются и совершенствуются в процессе индивидуального становления, духовного роста, вовлечения в сеть социальных коммуникаций. При этом «генетическая» (глубинно онтологическая, этнопсихологическая) среда призвана способствовать актуализации системы ценностных установок представителя конкретного этнонационального сообщества, полноценному выражению внутреннего мироощущения и самопознания. Она же позволяет каждому субъекту, личности полноценно, творчески реализовать себя в самых разнообразных социальных связях и отношениях, выступает стабилизирующим фактором развития, главным действенным звеном в сложной системе отношений взаимодействия и социально-личностного проектирования. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. И.В. Лысак. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. №4. С. 91–95.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ. А. Юдина. – М., 2003.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории: разум и коммуникация: пер. с нем. / К. Ясперс. – М., 1991.
4. Дьюи Дж. Демократия и образование: пер. с англ. / Дж. Дьюи. – М., 2000.
5. Малявин В.В. Молния в сердце / В.В. Малявин. – М., 1997.
6. Семенцов В.С. Бхагавадгита в традиции и современной научной критике / В.С. Семенцов. – М., 1985.
7. Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм / В.В. Аверьянов. – М., 2012.